



**ИВАН
АЛЕКСАНДРОВ**

Земляничка

ИВАН АЛЕКСАНДРОВ

Земляника

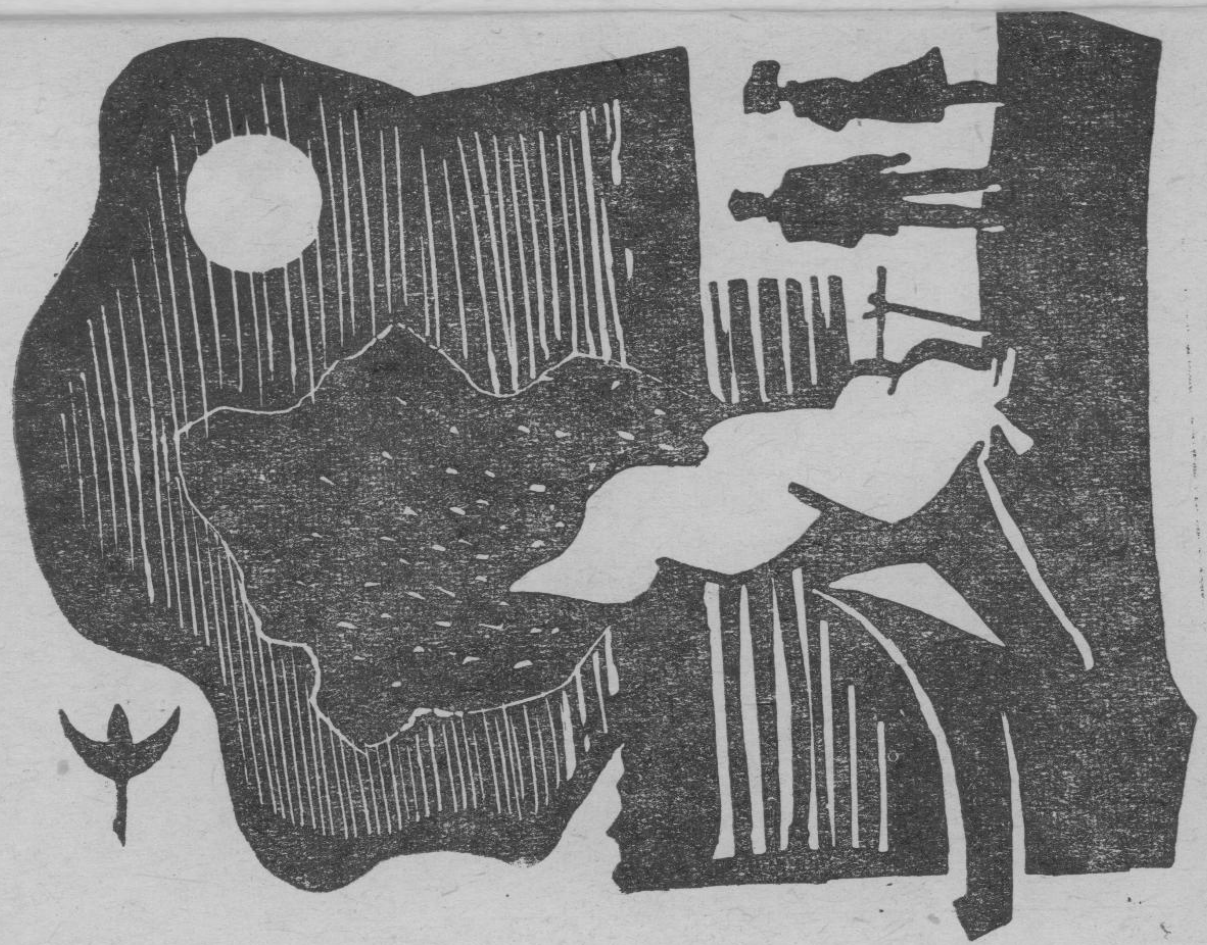
СТИХИ

ТУЛА ◆ 1966



Сергее
Венгера
муза

1*





Я

по земле шагаю смело,
Я в жизни одного хочу,
Чтоб по душе любое дело,
Любая ноша по плечу.

Хочу гореть в большом и малом,
Чтоб по земле своей родной
Пройти груженным самосвалом,
А не транзиткой холостой.



З

аметив в небе ястребка,
Я думал в детстве с упоеньем:
Махнуть бы мне под облака,
Блеснув на солнце опереньем.

Но только раз, впадая в сон,
Проваливаясь в бесконечность,
Я ощутил, что невесом,
Что сердце обретает вечность.

Теперь я понял до конца
И успокаиваю совесть:
Одни крылатые сердца
Испытываю невесомость.

ВЫШКА



лучах июньского заката,
Нырря в небо головой,
Взмывали птицами ребята
Над голубеющей рекой.

Мелькали над водою пятки
Под ликованье сотен рук.
А вышка стартовой площадкой
Себя почувствовала вдруг.



не представляется картина
Далекой памятной весны:
Мальчишка посреди Берлина
В дыму и копоти войны.

Чужой бездомный человек
Рыдал без голоса и слез.
Боец взмахнул его на плечи
И гордо улицей понес.

По главной площади гремели
Его большие сапоги.
Враги глядели — и не смели
В солдата выстрелить враги.

Мальчишка, затаив дыханье,
Смотрел на дядьку в сапогах,
Что поднял новую Германию
Бесстрашно на своих плечах.

ЯБЛОКО РАЗДОРА



меня над самой головою
Репродуктор маленький висит.
Я ловлю событие любое,
Всякий подозрительный визит.

Маленький дежурный неустанно
Обо всем докладывает мне:
Что гроза сгустилась над Гаваной,
Что Вьетнам в напалмовом огне.

Не стихают яростные споры,
Не смолкает беспощадный бой.
Шар земной, как яблоко раздора,
У меня висит над головой.

ГНЕВ



ограды чутко и устало
Старый клен ушами шевелит.
В городок торопится с вокзала
После операций инвалид.

Стосковавшись по родному дому,
По своим детишкам и жене,
Он спешит по улице знакомой,
Позабыв о ранах и войне.

Только по рябому тротуару
Гневно ударяют костыли.
Я уверен, что его удары
Слышат по ту сторону земли!



З

а мысом спряталась в дозоре
Настороженная луна,
И утонула в синем море
Предгрозовая тишина.

Я слышу дальний топот конский,
Я подглядел издалика,
Как через горы по-шпионски
Переползают облака.

А где-то волны бьют ракушки,
Гремят о цепи якорей,
И в тучи целятся верхушки
Пирамидальных тополей.



З

атосковав о русских косах,
О голубых глазах девчат,
Ребята пели о березах,
О тех березах, что не спят.

То утопая в синем шуме,
То набирая высоту,
От Кобулету до Батуми
Звучала песня на борту.

Она звала на подвиг ратный
Перед лицом военных гроз.
Была мучительно понятной
Для всех бессонница берез.

А у меня невольно слезы
Нахлынули из глубины:
Ведь эти самые березы
Из нашей, тульской стороны!



Я

только месяц из России,
А кажется давным-давно
Пью коктебельский воздух синий
И коктебельское вино.

То голубое, то зеленое
Качаю море на плечах.
Осадок горький и соленый
Запекся на моих губах.

А ночью тихо просят губы
Глоток лесного ветерка,
Глоток воды, ломающей зубы,
Что в роднике у Снежедка.



де-то в Махинджаури
Или в Зеленом мысу
«Витязь в тигровой шкуре»
Нас приютил в грозу.

Мы шутили и пели,
Мы поднимали тост
За Шота Руставели,
За сияние звезд.

Море грозно гудело,
Рокотало у скал.
Море тоже хотело
Опрокинуть бокал.

Успокоилась буря,
Лишь шумел под горой
«Витязь в тигровой шкуре» —
Ресторанчик морской.

КОНЦЕРТ



золотистого причала
На черноморском берегу
Россия пела и плясала
В широком дружеском кругу.

Дивились пылкие грузины,
Вздыхали томно латыши:
Какой талант, какая сила,
Задор и молодость души!

А на прощанье долго-долго
Рукоплескал Зеленый Мыс,
Ревели волны от восторга
И вызывали нас на бис.



Я

признался морю откровенно,
Что совсем остаться не могу,
Что меня Прекрасная Елена
Ожидает в Бежином лугу.

А оно, вихрастое и злое,
Тяжело ревнуня и любя,
По щекам ударило волною
На глазах у всех из-за тебя.

Не привык шутить и улыбаться,
У меня короткий разговор:
— Слушай, море, если будешь драться,
Вытащу на берег за вихор!

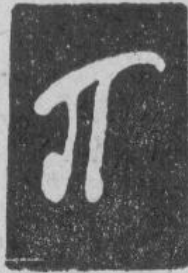


Н

е могу ничем себя утешить:
Почему не захватил на юг
Тихую, задумчивую Снежедь
И в ромашках желтых Бежин луг.

Я жалею, что оставил дома
Гречкою пропахшие поля,
Деревушку, крытую соломой,
Белые от пуха тополя.

Увезти бы мне родные вербы,
Сад вишневый, родничок лесной.
Только я тогда не захотел бы
Возвращаться ни за что домой.



рости за долгую разлуку,
Село родное у реки.
Еще нежней и крепче руку
Мне пожимают земляки.

Глаза поблескивают радостно,
А сердце вновь навеселе.
Всегда теплом сорокаградусным
Меня встречают на селе.



Р

Реченька Нареченька
Есть в родном краю.
Здесь сложил я первую
Песенку свою.

Реченька Нареченька —
Голубая синь
В шелесте березок,
В трепете осин.

Реченька Нареченька,
Я пришел опять,
Чтобы поклониться
И — поцеловать.

Самое хорошее

Нарекалось здесь.

Я в тебе, как в зеркале,

Отражаюсь весь.

ЖУРАВИНКА




бегает вдаль тропинка
Мимо сада твоего.
Журавинка, Журавинка —
Сказка детства моего.

В этой сказке на рассвете
Зябко дрогнула земля:
Обронил попутный ветер
Молодого журавля.

Обагрилась кровью зорька.
Припадая до земли,
Долго-долго, горько-горько
Голосили журавли.

Помнишь, Нинка? Слышишь, Нинка,
Трубный голос журавлей
Над деревней Журавинкой
И над юностью моей?

В. Катанову

орою грусть возьмет за душу,
Тоска навалится порой.
Я ухожу послушать Зушу
Под Карауловой горой.

А Зуша, вечно молодая,
Бежит в далекий океан,
Дорогу грудью пробивая
Через метель, через туман.

Печально развожу руками,
А Зуша, преданность храня,
Смывает камешки и камни,
Что были брошены в меня.

Любое горе смоев Зуша
Своей волною голубой,
И снова ударяет в душу
Невыразимых чувств прибой.

ПЛЕС



пять березки золотятся
У Ядринки и Студенца,
А мне леса над Волгой снятся,
Леса без края и конца.

А я вздыхаю втихомолку,
Припоминая волжский Плес,
Где Левитановская горка
И роща дивная берез.

Теперь октябрь гуляет в Плесе,
А в роще, солнцем залитой,
Под Левитана пишет осень
Этюды! кистью золотой.



Между лугами-покосами
Из дальнего далека
Проходят плоты по Осьме,
Цепляясь за облака.

Коварны скрытые мели,
И повороты круты.
Глаза неусыпно глядели,
Как извивались плоты.

Я мерил багром перегоны,
Стремительно вел головной.
Я знал, что друзья-плотогоны
Стоят у меня за спиной.

Из дальнего синего леса
Отважные парни плывут,
Что в воду спокойно лезут
И смело в огонь идут.



ад головой — ни звезд, ни месяца,
Кругом сплошная кутерьма.
В овраге белою медведицей
Ворочалась зима.

А я шагал без звезд и месяца
Через овраг, через лесок.
И следом белая медведица
Брела за мной на огонек.



рогудели над лесом вьюги,
Прошумел молодой снегопад.
Все деревья уснули в округе,
Только юные ели не спят.

Через царство снегов и метелей,
Через царство лесной тишины
Гордо шествуют юные ели —
Делегаты зеленой весны.

Увидав их, испуганно замер
Полусонный зайчишка-русак.
Поморгал удивленно глазами
И запрыгал от счастья чудак...

ЗЕМЛЯНИКА

д

удак и труженик великий,
Мой дед, чтоб я не голосил,
Пучок душистой земляники
Всегда с покоса приносил.

Я выбегал ему навстречу,
Навстречу радости самой.
А дед сажал меня на плечи
И нес торжественно домой.

Мне вспоминается в разлуке,
Что пахли ягодой тогда
Его мозолистые руки,
Его седая борода.

Чудак и труженик великий
Шагал тропинкой луговой,
А звезды зрели земляникой
Почти над самой головой.

ЛАСТОЧКА



адоела жаркая саванна,
Знойная тропическая муть.
Может быть, еще немножко рано
И опасно отправляться в путь.

Не страшит ее мороз и ветер,
Никакая вьюга не страшит.
Улетает ласточка на север,
День и ночь на родину спешит.

Напрягает ласточка все силы,
Словно сердцем чувствует она,
Что в родной заснеженной России
Не наступит без нее весна.

БЕРЕЗЫ



их запомнил с малолетства,
Шагающих среди полей.
Они идут со мной из детства,
Идут из юности моей.

Теперь, наверно, скоро-скоро
Отстану я от них в пути.
А им по синему простору
Далёко-далеко идти.

ЖАТВА



рошумела туча грозовая,
Торопливо удалился дождь.
Солнечного утра ожидая,
Волновалась за рекою рожь.

Люди с затаенною тревогой
С вечера укладывались спать.
Прикорнула жатва у порога,
Не желая в поле опоздать.

На окне раздвинув занавеску,
Ночь ушла со звездочкой во лбу.
Жаркий день вставал за перелеском,
Поднимая солнце на горбу.

ЯБЛОНЬКИ



тяжеленные плодами,
Купаясь ветками в росе,
Они уходят вдаль рядами
По обе стороны шоссе.

Я говорю сестренке веско:
— Мы от души старались тут.
Ты видишь: яблоньки из Мценска
В Москву на выставку идут!

РОМАНТИК



Памяти В. Л. Кулемина

расставаясь с ясными рассветами,
С вечерами синими навек,
Умирал скромнейший из поэтов,
Добрый и душевный человек.

А мечтал он побродить над Снежедью,
Порыбачить в Бежином лугу,
Подышать ромашковою свежестью
На его зеленом берегу.

А хотел он с тихими закатами
Поделиться нежностью в строке,
У костра потолковать с ребятами
О своем любимом земляке.

Собирался долго и старательно,
Да все время было недосуг.
Умирал романтик замечательный,
Прижимая к сердцу Бежин луг.



Т

ляделись звезды робко в Снежедь,
Дремали кони на лугу.

Всю ночь, распугивая леших,
Горел костер на берегу.

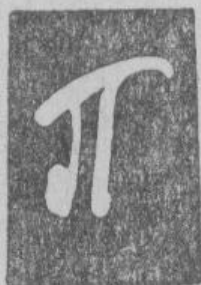
Струился дым белесой лентой
И уплывал по сторонам.
Ребячьи сказки и легенды
Мешались с дымом пополам.

А у костра, поджав колени,
Не опуская добрых глаз,
Сидел задумчивый Тургенев
И слушал будущий рассказ.



еловек остановился в поле,
Приподнялся робко на носки:
Пробивало из земли на волю
Чудо-слово нежные ростки.

Холода его не заморозили,
Не убили критики, браня.
С той поры в поэзии и прозе
Засверкало слово «зеленя».



рикрыв колени легкой шалью,
Тяжелых не смыкая век,
Тоской терзался в Буживале
Больной, усталый человек.

Недугом скованное тело
Не ощущало ничего,
А сердце ласточкой летело
В родное Спасское его.



бдавая свежестью сиреновой,
В скверике гуляют ветерки,
Где по-свойски кланяясь Тургеневу,
На базар проходят земляки.

Малыши шумливо спозаранку
Обступили памятник гурьбой.
И напрасно верная Дианка
Сторожит тургеневский покой.



удак, брожу с утра до вечера
Среди лесов, среди лугов.
Быть может, вновь Касьяна встречу
У этих тихих берегов.

Я с детских лет в него влюбился,
Искал-разыскивал не раз,
Забыв, что он переселился
Давно в тургеневский рассказ.



Окинув отчую сторонку,
Утратив сельские права,
Искал мужчина работенку,
Засучивая рукава.

Переболев душой и телом,
Возненавидев белый свет,
Бродил мужчина по отделах
Из кабинета в кабинет.

Переносил насмешки стойко,
Тянул безделье, словно вол:
Не подошла по вкусу стройка,
К станку он сам не подошел.

Забив родимую сторонку,
Веселый запах трав и рос,
Мужчина ищет работенку —
Он до работы не дорос!

ГОСТЬ

М

агает по селу мужчина,
Как девятнадцать лет назад:
На всех поглядывает чинно,
На всех бросает хмурый взгляд.

— Ну ничего не изменилось
У этих старческих раки.
Ведь даже грач — скажи на милость! —
Все тот же на гнезде кричит.

Все та же грязь, все та же серость,
Все те же тряпки на кустах.
Послушай, грач, какую прелесть
Нашел ты в дедовских местах?

Презрительно взглянув на гостя,
Грач не ответил ничего,
А только плюнул с явной злостью
На шляпу модную его.

КОТЕНОК



Хозяин выбросил котенка,
Довольный, зашагал домой.
А тот мурлыкает вдогонку:
— Возьми с собой, возьми с собой.

Застыл, нахмурившись, мужчина:
— Подумаешь, какой наглец!
А тот потерял о ботинок
И по штанине вверх полез.

Вспылил хозяин: «Эка смелость!
Не понимаю ничего»...
Котенку просто знать хотелось:
А есть ли сердце у него?

ЩЕПКА



езаметно отскочив от дерева,
От родного своего ствола,
Щепка по волнам самоуверенно
В голубое море поплыла.

Щепка не подумала заранее,
Отрываясь от родной земли,
Что в морях на дальнем расстоянии
Видны лишь большие корабли.

Разрыв-
травка



Н. Акулиничеву



о-прежнему тянет и тянет,
На родину тянет меня,
Где зорькой пичуги горланят,
Толпятся опята у пня.

Пройтись бы лесною дорожкой,
Ушедшую юность позвать,
Березкам на гармошке
Цыганонку сыграть.

Окликнуть бы с горки кукушку,
Послать ей сердечный привет,
Нарвать на зеленой опушке
Веселый и пестрый букет.

Бродить бы по синему краю,
С девчонками говорить.

Мне тридцать, а я все не знаю,
Какой же цветы подарить.

ОТКРЫТКА

К

ак дар бесценный и великий
Я ту открытку берегу,
Где незабудки и гвоздики
Цветут, как в Бежином лугу.

Я ждал ее, как ждут участья,
Я ждал, как приговора ждут.
Я до конца изведаль счастье
Безумно радостных минут.

Я целовал твою открытку
До исступленья горячо,
Как будто отменили пытку,
Что не изведена еще.

Я шел взволнованный и гордый,
Пугая кошек и собак
Своей сияющею мордой
С пятном чернильным на губах.



а всех углах и перекрестках
Я замечал в толпе людей
Твое лицо, твою прическу
И удивленный взлет бровей.

Я много лет иду по следу,
По следу твоему иду,
Любовь и ненависть изведав,
Изведав радость и беду.

А ты сама не замечаешь,
Что излучаешь дивный свет:
Ты, словно звездочка, мерцаешь
Передо мною много лет.

На всех углах и перекрестках
Твое мерещится лицо,
Твои глаза, твоя прическа
И — обручальное кольцо.



коро, небо кругом загорится
Огоньками далеких звезд.
Проводи меня по традиции
За тургеневский мост.

Мне такое сказать тебе хочется,
Чтоб запомнила, словно стих:
Как мне хочется одиночество
Разделить на двоих.

Мы простимся опять у пригорка,
Там, где шепчутся деревца.
До чего мне обидно и горько,
Что традиции нет конца.



ы улыбаешься таинственно
И добрый подаешь совет:
— Пойми, что не на мне единственной
Сошелся клином белый свет.

Я знаю: способ есть известный,
Я убедился не один,
Что побеждают горе песней,
Что выбивают клином клин.

А тут совсем другое дело,
Другие средства и пути:
Ты в сердце глубоко засела,
А сердце вышиби поди...

ОПОЗДАНИЕ

Р
едружелюбно хмурилась погода,
Цепляла туча юбкой за плетень.
Но жарче, чем на острове Свободы,
На полустанке было в этот день.

Был полустанок в глубине России
Похож на муравьиное гнездо.
Мы ящики с картофелем грузили,
Не замечая ржущих поездов.

А ты давно ждала меня у клуба,
Кусая губы, пальцы теребя,
Не ведая, что маленькая Куба
Соперницею стала для тебя.

Я запоздало мчался через поле,
Не чувствуя дороги под собой,

Как медяки, зажав в руке мозоли,
Чтоб расплатиться ими за простой.

Мне было больно и смешно немножко,
Что ты ушла и не придешь опять.
Любовь — она, конечно, не картошка,
И это должен каждый понимать!

РАЗРЫВ-ТРАВА

К

акие горькие слова,
Какие бессердечные:
Разрыв-трава, разрыв-трава,
Разрыв на веки вечные.

А мне до боли дорога
Любовь моя угарная.
Пойдем в луга, пойдем в луга,
Сорвем траву коварную.

Дурной траве не место тут
С ее цветами жуткими.
Пускай цветут, пускай цветут
Ромашки с незабудками!

БУСЫ

К

ак хочешь, как хочешь, как хочешь,
Как хочешь меня назови.
Ей-богу, мне очень и очень
Понравились бусы твои.

Прости за обидное слово,
Прости за дурацкую спесь.
Но если увидимся снова,
Пожалуйста, бусы повесь.

Я знаю, что ты безупречна,
За это люблю и ценю.
А звонкие бусы навечно
Я в сердце своем сохраняю.

Я верю, что грусть и печали
Растают, как снег по весне.

Сквозь синие-синие дали
Отчетливо видится мне:

Выходит из дома бабуся,
Идет потихонечку в сад,
А годы тяжелыми бусами
На худенькой шее висят.



Б

ью перчаткой о перчатку,
Два часа стою и бью.
Что же ты играешь в прятки?
Все не веришь, что люблю?

Снег скрипит под каблуками,
Клен вздыхает у ворот.
Ну, а я стучу зубами,
Зуб на зуб не попадет.

Что же ты играешь в прятки? —
Отвечай на мой вопрос...
Громко хлопаю перчатками
Луплю со зла мороз.

Л



ряхнув своей прической модной,
Опять встречаешь на крыльце
Меня подчеркнуто холодной
И кислой миной на лице.

Я долго ждал, наивно веря,
Что снизойдешь когда-нибудь.
А в этот вечер, хлопнув дверью,
Ты отрубила: «Позабудь!»

А в этот вечер синий-синий
Бесповоротно понял я,
Что на твоей надменной мне
Подорвалась любовь моя.



Я

обижался долго-долго,
Что ты поссорилась со мной,
Что одного качает Волга
Под астраханскою луной.

Меня одно с ума сводило,
Что ты в родимой стороне
Нелепо Волге изменила,
Бездумно изменила мне.

Я не играл с любовью в жмурки
И от обиды сам не свой.
Всю ночь с отчаянья окурки
Бросались в Волгу головой.



Я

ждал тебя долгие годы,
Я ждал тебя тысячу лет;
Спокойно встречал непогоду
И соловьиный рассвет.

А ты, почему — неизвестно,
В какой-то из пасмурных дней
Остановилась проездом
На станции жизни моей.

Окинула взглядом усталым
Чужой городок за рекой:
— Да это глухой полустанок,
Невзрачный и серый такой.

Я вышел навстречу с цветами,
С охапкой сирени и роз.
Но грубо стальными локтями
Меня оттолкнул паровоз.



я

не забыл, я не забыл
Следы над Снежедью и Зушей.
Я так мучительно любил
Глаза, затопленные стужей.

Ты не поймешь, ты не поймешь,
Какой заплачено ценою
За эту голубую дрожь,
За это счастье ледяное.

В последний раз, в последний раз
Я протянул на дружбу руку,
А ты плеснула смех из глаз
И гордо предпочла разлуку.

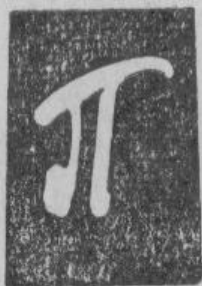
Я не виню, я не виню,
А горько-горько сожалею:
Я подчеркнул любовь свою,
Ты подвела черту под нею!



З

накомой тропкой до рассвета,
До неожиданной беды
Бродила ты с другим и третьим,
Чтоб затоптать мои следы.

А сердце знало, сердце знало,
Что все могло иначе быть,
Что ты следы мои искала,
Не в состоянии забыть.



од моим балконом
В глубине угла
Ласточка влюбленная
Гнездо себе свила.

В солнце и ненастье,
Вечером и днем
Щебетало счастье
Под моим окном.

Загорятся звезды —
Выйду на балкон.
Поздно, поздно, поздно
Я в тебя влюблен.

Вспомню с болью снова
Юные года
На краю чужого
Счастья и гнезда.

ВЕСЕННЯЯ КАРТИНКА



бдавая брызгами и пеной,
Мчатся с горки кубарем ручьи.
Только в парке важно и степенно
Занимают очередь грачи.

Выдает апрель грачиным парам
На жилую площадь ордера.
Я люблюсь гнездами недаром:
Самому обзавестись пора.



Т

де ты в жизни затерялась, милая?
На какой земле, в каком краю?
На какую новую фамилию
Променяла девичью свою?

Слышишь ли, далекая, чужая? —
Я с тобой сквозь годы говорю.
Я тебя с любовью вспоминаю
И всегда в душе благодарю.

Пусть не я тебя ласкал и миловал,
Пусть не я качал твоих детей,
Пусть совсем другому ты вскормила
Умных и красивых сыновей.

Все равно, смешная и колючая,
Мне покоя в жизни не даешь
И, как прежде, радуя и мучая,
Вдохновляешь и вперед зовешь.



двоём с черноглазой подругой,
С бедовой девчонкой вдвоём
Бредём мы по Бежину лугу,
Все дальше и дальше бредём.

Не знаю, всерьёз или в шутку,
А только сказала она:
— Мне что-то становится жутко —
Такая кругом тишина.

В глаза мои глянув тревожно,
Вздохнула она глубоко.
Тогда я почувствовал тоже,
Что слишком зашли далеко.

Ах, если, отбросив робость,
Пойдет она дальше со мной,
То станет соседняя область
Намного бедней красотой.



еужели ни любви, ни веры?
Все сгорело, превратилось в прах?
Неужели это пепел серый
Шевелится у тебя в глазах?

Успокойся: ты всегда был крепкий,—
Ни к чему красивые слова,
Будто сердце разлетелось в щепки
И годилось только на дрова.



пять знакомая дорога
Меня на Снежедь привела.
Затихла давняя тревога,
Душа спокойна и светла.

И лишь по-прежнему над полем,
Не умолкая никогда,
Моей невысказанной болью
Гудят и стонут провода.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Сердце Бежина луга

«Я по земле шагаю смело...»	5
«Заметив в небе ястребка...»	6
Вышка	7
«Мне представляется картина...»	8
Мурка	10
Яблоко раздора	11
Гнев	12
«За мысом спряталась в дозоре...»	13
«Затосковав о русских косах...»	14
«Я только месяц из России...»	16
«Где-то в Махинджаури...»	17
Концерт	19
«Я признался морю откровенно...»	20
«Не могу ничем себя утешить...»	21
«Прости за долгую разлуку...»	22
«Реченька Нареченька...»	23
Журавинка	25
Зуша	27
Плес	29
«Между лугами-покосами...»	30
Огонек	32

«Прогудели над лесом вьюги...»	33
Земляника	34
Ласточка	36
Березы	37
Жатва	38
Яблоньки	39
Романтик	40
«Гляделись звезды робко в Снежедь...»	42
«Человек остановился в поле...»	43
«Прикрыв колени легкой шалью...»	44
«Обдавая свежестью сиреневой...»	45
«Чудак, брожу с утра до вечера...»	46
Беглец	47
Гость	49
Котенок	51
Щепка	52

Разрыв-трава

«По-прежнему тянет и тянет...»	55
Открытка	57
«На всех углах и перекрестках...»	59
«Скоро небо кругом загорится...»	61
«Ты улыбаешься таинственно...»	62
Опоздание	63
Разрыв-трава	65
Бусы	66
«Бью перчаткой о перчатку...»	68
«Тряхнув своей прической модной...»	69
«Я обижался долго-долго...»	70

«Я ждал тебя долгие годы...»	71
«Я не забыл, я не забыл...»	73
«Знакомой тропкой до рассвета...»	75
«Под моим балконом...»	76
Весенняя картинка	78
«Где ты в жизни затерялась, милая?...»	79
«Вдвоем с черноглазой подружкой...»	81
«Неужели ни любви, ни веры?...»	83
«Опять знакомая дорога...»	84
О себе	85

Александров Иван Васильевич

ЗЕМЛЯНИКА

Стихи

* * *

Редактор **В. Г. Ходулин**. Художник **Е. В. Гаврилин**.

Худож. редактор **В. С. Матвеев**.

Техн. редактор **М. И. Миляева**.

Корректор **Б. М. Дорогонько**.

Сдано в набор 4.4.1966 г.

Подписано к печати 18.5.1966 г.

Бумага 84x108/64. Физ. печ. л. 1,375.

Усл. печ. л. 2,31. Уч.-изд. л. 1,3. ЦП00859

Т. п. 1966 г. № 100. Тираж 5500 экз. Заказ 5246.

Приокское книжное издательство —

Тула, ул. Каминского, 33.

Цена 7 коп.

Типография изд-ва газ. «Коммунар».

Тула, пр. Ленина, 36.

О СЕБЕ

Я родился в феврале 1932 года в захолустной орловской деревушке Гудиловке. Бабушка говорила, что в этот день весна встречалась с зимой, ярко светило солнце, из лужи курочка пила.

О бабушке осталась добрая память. Она знала уйму сказок, живо и увлекательно рассказывала их. Я слушал ее с замиранием сердца.

Война оборвала детство.

В двенадцать лет пахал землю, носил луга, возил копны. Мне нравилось отбивать косы, справлять грабли, мастерить тележки.

С той поры много утекло воды. Я окончил Тульский педагогический институт. Учителем работал на Алтае. Служил в армии топографом. Гонял плоты и «крутил баранку». Много повидал и пережил.

Меня всегда неудержимо тянуло домой: помечтать у тургеневского дуба, погреться у ребячьего костра в Бежином лугу, подышать буйной фетовской сиренью. Родным местам посвящено мое сердце и мои стихи.

Печатаюсь с 1951 года: публиковался в областных газетах и сборниках, а также в журналах: «Москва», «Подъем», «Смена», «Молодой колхозник».

В 1963 году в Орловском издательстве вышел первый сборник стихов «Подснежник».

АВТОР.



PHOTO BY MICHAEL BROWN FOR THE NEW YORK TIMES